

ГАЛИНА ГОЛИЦЫНА

ПИСЬМА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

АГЕНТСТВО «АНГЕЛЫ»-5

Агентство «Ангелы»

Галина Голицына
Письма Серебряного века

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Голицына Г.

Письма Серебряного века / Г. Голицына —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,
— (Агентство «Ангелы»)

Старые актеры, старые архивы... Казалось бы, кого может заинтересовать древняя, давно всеми забытая актриса? А вот поди ж ты: актрису убили, да еще и архив ценный похитили, с рукописями поэтов «серебряного века»! И еще один старый актер оказался лицом весьма заинтересованным... Милиция за несколько месяцев убийцу так и не нашла, дело ушло в разряд «висяков». Однако там, где правоохранительные органы отступились, в дело вступили Аня и Феликс – блестящие детективы, от которых не ушел еще ни один преступник! Именно Аня распутывает бесперспективное на первый взгляд дело. При этом злоумышленник практически убивает саму Аню и покушается на жизнь Феликса. Но не зря же их детективное агентство называется «Ангелы»! Они – настоящие ангелы-хранители для своих клиентов, и с этими ангелами-детективами бандитам тягаться бесполезно...

© Голицына Г.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Галина Голицына Письма Серебряного века

Денёк выдался что надо: и солнечно, и прохладно. Не так уж часто выпадает в августе такое счастье. Ведь обычно в конце лета у нас как бывает? Если солнечно, то жара стоит такая, что никто в здравом уме без крайней необходимости и носа на улицу не высунет. А если прохлада и приходит, то обычно не сама по себе, а в компании мощного циклона, который несёт с собой шквалистый ветер, грозу, бурю, а то даже и град. И опять-таки никто по доброй воле не покинет свой дом, офис или иное спасительное убежище.

А сегодня ночью в атмосфере произошли серьёзные процессы, пришёл холодный атмосферный фронт, но без дождей. И теперь на улице было очень свежо и очень солнечно.

Я сидела в кабинете, крутила большой глобус, внутри которого помещался бар и позвякивали бутылки, и выбирала место, где мне хотелось бы провести отпуск. Только что мы с моим братом Феликсом закончили расследование одного интересного дела и получили гоно-рар, который обозначался суммой с пятью нулями. Я так подумала, что вполне заслужила полноценный отдых, и теперь вот выбирала на глобусе место, которое мне захотелось бы посетить.

Крутила я его, крутила, но что-то ни одно место мне не приглянулось. А другого глобуса у меня, конечно, не было.

Мы с Феликсом являемся совладельцами детективно-охранного агентства «Ангелы». Ангелами-хранителями мы становимся для всех, кто к нам обращается.

Вот и сейчас, кажется, к нам идёт клиент... Во всяком случае, голос Глафиры, нашей секретарши, звучит очень возбуждённо, а это значит, что Глаша почуяла запах гонорара. В этом плане чутьё у нашей Глаши безошибочное.

К голосу Глафиры присоединился густой бас Феликса. Ах, и братец явился, очень хорошо: не одна буду принимать визитёра.

Дверь открылась, Феликс остановился в проёме, пропуская посетителя.

Посетителем оказалась пожилая дама – грузная, с одышкой. Кивая и поминутно благодаря, она протиснулась мимо Феликса, вошла в наш кабинет и уселась на гостевой стул.

– Аня Ермолаева, мой надёжный деловой партнёр и к тому же сестра, – представил меня Феликс.

Дама снова кивнула – уже мне. Я приветливо кивнула в ответ.

Закрыв дверь, Феликс прошёл к своему столу, сел и сказал:

– Мы слушаем вас.

Дама, усевшись, немножко уже отдышалась, поэтому сказала почти без одышки:

– Меня зовут Понизовкина Дарья Михайловна. Я – племянница Аделаиды Филипповны Николаевой.

После этого дама замолчала, решив, видимо, что уже сказала самое главное. Мы с Федей (это домашнее имя Феликса) тоже молчали. Так прошло секунд десять.

Поняв, что дама больше никакой информации давать нам не собирается, Федя почесал указательным пальцем висок и спросил:

– И что дальше?

– Как это «что»? – поразилась дама. – Говорю же: я – племянница Аделаиды Николаевой.

И снова замолчала в ожидании нашей реакции. Судя по её напряжённому ожиданию, реакция эта должна быть бурной. Интересно, с какой стати?

Чтобы не обижать пожилую женщину, Федя сказал как можно более доброжелательно:

– Извините, Дарья Михайловна, не могли бы вы сами изложить суть дела? Ваша тётя, видимо, должна была предварительно нам позвонить, да? Но она не позвонила. Хотя... Одну минуточку, я сейчас узнаю!

Он вышел в приёмную, спросил:

– Глаша, нам звонила некая Аделаида Николаева? Точно нет?

После этого он вернулся на место и развёл руками:

– Вот видите? Она не звонила.

– Молодой человек, вы надо мной издеваетесь? – поинтересовалась грузная дама.

– Что вы, что вы, Дарья Михайловна, как можно? Да вы сами можете набрать её и спросить, что ей помешало, – подвинул он посетительнице телефонный аппарат.

– Моя тётя не могла вам звонить, потому что её убили.

– Что вы говорите? – ахнула я. – И когда же?

– Давно, ещё весной. В мае.

И тут я хлопнула себя ладонью по лбу:

– Вспомнила! Это же та старая артистка, да?

– Да, это она, – сказала дама с достоинством.

Я повернулась к брату:

– Федя, я помню, она была убита в своей квартире. Там ещё много ценностей взяли! В газетах тогда писали, но как-то быстро дело заглохло...

– Вот именно – заглохло! – возвысила голос наша посетительница. – Это вы, милая девушка, нашли очень правильное слово!

– Меня Аней зовут, – напомнила я. – Я же чувствую: что-то такое в уме крутится, крутится, да только никак не пойму, что именно... Фамилия-то у неё простая, рабоче-крестьянская. Мало ли на свете Николаевых... А вот имя её запомнилось: Аделаида.

Посетительница поджала губы:

– Конечно, девушка, вы её помнить не можете, потому что вы, наверное, ещё только родились, когда она со сцены ушла. Но поверьте мне: когда-то её имя гремело!

– По всей стране? – заинтересовался Феликс.

– Ну, и по стране тоже. Она в молодости даже сыграла несколько эпизодических ролей в чёрно-белых фильмах. Ну, а уж здесь, в Тимофеевске, на её спектаклях всегда был аншлаг! Люди даже из других областей приезжали, чтобы увидеть на сцене Алечку Николаеву!

Дарья Михайловна очень натурально всплакнула и полезла в ридикюль за платочком. Промокнула глаза и снова надолго затихла.

– Продолжайте, продолжайте, – подбодрил её Феликс.

Дама махнула рукой:

– Да что там продолжать... Её убили накануне восьмидесятилетия, а она-то мечтала до ста лет дожить!

Феликс глянул на меня так беспомощно, как будто прошептал: «Караул!...»

Я мягко улыбнулась посетительнице:

– Дарья Михайловна, скажите нам: чего вы хотите?

– Я хочу, чтобы вы нашли убийцу моей тётушки. Или убийц, я же не знаю, сколько их там было.

Вид у неё при этом был такой удивлённый: что вы, дескать, сами не понимаете?

– Но ведь этим занимается милиция, – сказала я осторожно.

– Милиция этим давно не занимается! – отрезала Понизовкина.

– Как так?!

– Четвёртый месяц дело тянется, а конца-краю не видать! Я, между прочим, смотрю по телевизору «Криминальную хронику» и знаю, что если преступление не раскрывается сразу

же, по горячим следам, то с каждым днём шансов остаётся всё меньше. А если следствие тянется месяцами, то...

Она помяла в руках носовой платок, снова быстрым движением промокнула глаза и сказала свистящим шёпотом:

– Мне Всеволод Олегович по-дружески шепнул, что если я хочу получить результат раньше, чем через год, то мне лучше обратиться к вам. В приватном, так сказать, порядке.

Я непонимающе взглянула на брата: что ещё за Олегович? Кто-то из наших бывших клиентов? Не помню такого...

Увидев моё удивление, Дарья Михайловна пояснила:

– Это майор милицейский...

– ... по фамилии Коршун, – закончил её мысль Феликс и только головой покачал: – Ну, Севка, ну, удружил... Хорошо, Дарья Михайловна, мы готовы взяться за ваше дело. Но давайте прежде обсудим кое-какие формальности. Я вынужден вам напомнить, что мы – структура не государственная, а частная, поэтому работаем отнюдь не бесплатно. В связи с этим у меня вопрос: вы имеете возможность оплатить наши услуги?

– Да, безусловно, – сказала Дарья Михайловна с большим достоинством и вынула из сумки газетный свёрток.

Развернув свёрток, она показала его содержимое: одна тысяча долларов.

Дав нам возможность полюбоваться деньгами, она пояснила:

– Это – только задаток. Остальное – по итогам расследования.

Я задумчиво почесала макушку: да уж, серьёзная тётенька к нам сегодня пожаловала. А я-то подумала, что она живёт на одну пенсию, еле-еле концы с концами сводит...

Феликс откинулся на спинку кресла:

– Хорошо. Расскажите, что произошло с вашей тётушкой.

– Понимаете, ей в этом году исполнялось восемьдесят лет. Должно было исполниться в июне. Я думаю, никто бы об этом не вспомнил, потому что она сцену оставила давно, в последние годы жила очень замкнуто: общалась только со мной да с двумя-тремя соседками, такими же старушками. Но мне было очень обидно, что бывшая прима нашего театра будет отмечать такой солидный юбилей в небольшой компании пенсионеров, и всё. И я тогда придумала вот что: я позвонила в нашу газету «Тимофеевск вечерний» и сказала, что у них есть возможность сделать замечательный репортаж для воскресного выпуска. Ну, вы же знаете, по воскресеньям событий мало, так воскресные выпуски посвящены в основном культуре. Ну, там девушка на телефоне вначале не поняла, что это вообще за Аделаида Николаева и зачем о ней писать. Но потом у неё хватило ума передать трубку главному редактору, и тот уже поговорил со мной очень обстоятельно. Сильно удивился, что тётя Алечка ещё жива. Ну, я его не виню... Не он один, многие о ней забыли. Тем интереснее показалась ему мысль сделать большую статью о ней – с фотографиями, как положено. Ведь «Вечерку» читают в основном люди старшего поколения, молодёжь-то всё больше Интернетом интересуется... Так вот, главный редактор решил, что читателям будет приятно вспомнить свою молодость или даже детство, которое прошло в то время, когда на сцене блистала несравненная Аделаида...

– Аделаида – это её настоящее имя? – вклинилась я в разговор.

– Безусловно. Бабушка обеим своим дочкам дала красивые имена. Мою маму, например, звали Матильдой. Аделаида и Матильда. Их в детстве называли Алечка и Малечка. Бабушка готовила их для сцены. Ну, так и получилось. Алечка стала драматической актрисой, а моя мама – балериной. Знаете, мама уверена была, что родить ребёнка отважится только Аделаида, потому что для драматической актрисы фигура не играет такой решающей роли, как для балерины. К тому же сценический век балерины недолог, и тратить драгоценное время на беременность, роды, вскармливание малыша – непозволительная роскошь. Да

ещё и форму можно навсегда потерять... Но случилось иначе. Мама встретила папу в самый разгар войны, они поженились, а поскольку война – дело опасное, мама отважилась на то, чтобы родить меня. Как чувствовала, что папа может погибнуть... Ну, он капитаном был, и его аттестат помог нам с мамой выжить... Тогда, во времена карточной системы, когда все продукты строго регламентировались, это было очень важно! А потом у мамы обнаружился диабет. И всё пошло прахом... Ей сначала одну ногу отрезали, потом – вторую... Сами понимаете, как тяжело это было. В основном в моральном плане, хотя и в физическом тоже. А потом мама умерла. Тихо так, спокойно. Во сне. Врачи сказали, что у неё тромб оторвался. И мы с тётёй Алечкой остались вдвоём.

Сидеть Феликсу давно надоело, поэтому он встал, прошёлся по кабинету и спросил:

– Надеюсь, ваш столь подробный рассказ имеет непосредственное отношение к гибели вашей родственницы?

– Безусловно! Я просто хочу, чтобы вы поняли: у меня не осталось на свете никого ближе тёти Аделаиды. Поэтому я хотела сделать ей подарок к восьмидесятилетию: большую статью в «Вечерке». Главный редактор сказал, что пришлёт к ней своих корреспондентов, и мы договорились на конкретное время. Так вот, пришли из редакции двое: девочка-журналистка и мальчик-фотограф. Девочка взяла у тёти Али интервью, а мальчик сфотографировал её и взял кое-что из старых фотографий и афиш – ну, чтобы в редакции отсканировать на компьютере и вставить в материал. Алечка с радостью отдала, потому что ей самой приятно было вспомнить то время. А потом, где-то через неделю, девочка должна была прийти снова, чтобы показать Аделаиде готовую статью, сделать последние правки и отдать взятые на время фотографии и афиши.

Но когда она пришла в назначенное время, ей никто не открыл. Она позвонила соседке и попросила её передать Аделаиде снимки, когда та появится. А самой девушке ждать было некогда. Но соседка обеспокоилась: куда могла подеваться Аделаида? Ведь она даже в магазин редко выходила, в основном я ей продукты приносила. Тогда они уже вдвоём – журналистка и соседка – стали стучать и звонить, но дверь им так и не открыли. Соседка – её зовут Полина Григорьевна, милейшее существо – позвонила мне домой и спросила, не положила ли я тётушку в больницу. Ну, такой вариант ведь тоже мог быть! Но когда я услышала, что тётя не открывает дверь, я чуть сознание не потеряла. Тут же примчалась туда с тётушкиными ключами в полной уверенности, что тётю или парализовало, или инфаркт у неё случился, или тромб оторвался, как у мамы когда-то... Но всё оказалось ещё хуже. Тётя сидела в кресле с простреленной головой, а все ящики в доме были вывернуты, вещи валялись на полу... Ой, это был такой ужас, что я вам передать не могу...

Она снова прижала к глазам платок.

Я поёрзала в своём кресле, потому что поняла, что эта посетительница у нас здесь, скорее всего, и заночует. Уж больно обстоятельно рассказывает.

Но Феликс уже включился в работу:

– Так, понятно. И что же пропало?

– Ну, я сначала даже понять ничего не могла. Просто стояла и тупо смотрела на простреленную голову тёти. А Полина Григорьевна быстро сообразила, что надо делать. Она позвонила по «ноль-два» и велела нам с девушкой ничего не трогать до приезда милиции. Когда милиционеры приехали, все положенные манипуляции проделали, труп увезли, у меня тоже стали спрашивать, что конкретно пропало из дома. Но разве я могла так сразу сказать?... Надо было сначала разобрать оставшиеся вещи, разложить их по местам, а потом уже смотреть, чего конкретно не хватает. Но я была тогда не в себе: ходила по квартире, как сомнамбула, и просто перекладывала вещи с места на место. Никак не могла сообразить, что где лежало раньше... В общем, постепенно разобралась, что там пропало. Ну, конечно, драгоценности все похитили. Их и было-то немного, но всё-таки кое-что было... Картины со стен

забрали. Причём рамки оставили, а полотна из них повырезали. Я по телевизору видела: так похищают картины из музеев. Хотя те картины, что были у тёти, никакой особой ценности не представляли... Деньги если и взяли, то сумма была несерьёзная. Но самая главная потеря – это архив.

– А какую ценность он представлял? – оживился Феликс.

– Видите ли, наша прабабушка была литературно одарённым человеком, во времена своей молодости писала стихи. И даже, представьте себе, состояла в переписке с самыми известными акмеистами – Гумилёвым, Городецким, Мандельштамом и даже с великой Ахматовой. Вернее, это не переписка в полном понимании, как мы привыкли... Дело в том, что прабабушка до революции жила в Петербурге и была со всеми этими людьми знакома лично, представляете? Ну, тогда же все они были просто милыми молодыми людьми, которые хотели самовыразиться посредством поэзии, хотели донести свои мысли до широких масс. Поэтому, конечно, они не вели очень уж замкнутую жизнь, а наоборот, старались общаться с интеллигенцией, особенно с молодёжью, устраивали литературные вечера... И на таких вот вечерах наша прабабушка с ними встречалась, беседовала, и нередко эти молодые поэты дарили ей – да и не только ей! – те рукописные листочки, с которых они читали свои новые стихи. Вот эти-то листочки мы всегда хранили как зеницу ока. Правда, там ещё были и письма. Два письма Ахматовой и одно – Мандельштама. Ну, это когда прабабушка с бабушкой уже здесь жили, в Тимофеевске...

Под мерное журчание её надтреснутого голоса я задремала, сложив руки на столе и положив сверху голову. Очень это всё, конечно, познавательно, но так скучно...

Феликс, проходя мимо моего стола, слегка щёлкнул меня по макушке: не спи, замёрзнешь! Я моментально села ровно, выпрямила спину и вытаращила глаза, как новобранец на плацу: я, дескать, вся – внимание!

– ... а поскольку я оказалась в нашем роду последней, то тётя Аделаида велела мне после её смерти передать все эти бесценные бумаги в наш областной музей. Конечно, эти документы ушедшей эпохи могли бы стать настоящей жемчужиной частной коллекции, но как-то не хотелось, чтобы они были похоронены в чужом шкафу...

– А что, предпринимались попытки купить их у вас? – заинтересовался Феликс.

– Нет, мы же не афишировали, что владеем таким богатством. Понимаете, для нас это было богатство совсем другого рода, нематериальное... Для любого коллекционера или музея важно то, что эти листочки исписаны рукой великих людей. А для нас куда более важным был тот факт, что эти листочки были подарены или даже специально написаны для нашей прабабушки. Ну, как вам объяснить... Вот фамильные драгоценности ценятся ведь не столько наличием драгоценных камней, сколько тем, что они – фамильные!

– Да-да, я понимаю, – закивал Феликс. – То есть вы предполагаете, что охотились именно за этими документами?

– Нет, юноша, я другого боюсь. Чтобы понять ценность такого архива, нужно в этом очень хорошо разбираться. А ворами могли оказаться люди самые серые, необразованные. Вполне могло быть так, что воры сгребали всё подряд по принципу: вали кулём, там разберём! Поэтому своими настоящими трофеями они могли посчитать две пары серёжек с синтетическими камнями и несколько колечек советской штамповки, которые были у тёти.

– Так чего вы хотите больше: убийц найти или архив вернуть? – не выдержал Феликс.

– У меня, юноша, две цели. Я хочу найти этих подонков, чтобы их можно было за убийство безобидной и беспомощной старушки наказать по всей строгости закона. Ну, и архив вернуть, если удастся. Если, конечно, они не выбросили его на помойку... Но ведь обе эти цели неразрывно связаны, не так ли?

– Да, вы правы. И мы с сестрой немедленно приступим к вашему делу. Я сейчас свяжусь с майором Коршуном, а вы с Аней поезжайте в тётушкин дом.

– Но туда нельзя! – всполошилась Понизовкина. – Там опечатано ещё...

– До сих пор опечатано? – удивился Феликс. – Четвёртый месяц подряд? Ничего себе...

И чем они это мотивируют?

– Так я же не спрашивала...

Феликс хмыкнул:

– Напрасно! Они, похоже, просто забыли об этом. Ладно, нас квартира пока не очень интересует. Аня с соседями поговорит. Для начала нам этого будет достаточно.

– Но ведь милиция уже говорила с ними! Причём сразу же. И никто, представляете, никто ничего не видел и даже не слышал!

– Дарья Михайловна, но вы же разочаровались в работе милиции и обратились к нам, – напомнил Феликс. – Так уж теперь позвольте нам поработать, как мы сами это понимаем.

– Да, конечно, конечно, – забормотала посетительница и стала постепенно вставать.

Однако сделать ей это было не так-то легко: и возраст, и вес огромный, и вообще разволновалась...

Мы с Федей подскочили к ней, подхватили под белые руки и повели к двери.

На улице я усадила её в машину, сама села за руль и сказала:

– Будете моим штурманом.

– Есть, мой командир! – отсалютовала Дарья Михайловна.

А бабулька-то ничего оказалась, с юмором...

Штурманом она оказалась действительно неплохим, поэтому доехали мы сравнительно быстро, почти ни разу не заблудившись. Дарья Михайловна действительно очень добросовестно прокладывала маршрут. Она хотела попасть к нужному дому по самому короткому пути, но чем больше она этого хотела, тем хуже получалось: два раза мы утыкались в знак «пешеходная зона», и мне приходилось разворачиваться, давать круг, а это лишнее время и лишняя трата бензина. Но я на неё не сердилась. Ну, во-первых, она же клиентка, а клиент в нашем деле – царь и бог. А во-вторых, она же хотела как лучше, но забыла, что едет в машине, и дорогу показывала ту, по которой привыкла пешком ходить. Она страшно из-за этого смущалась и нахваливала меня: какой я замечательный водитель. А я её успокаивала и убеждала, что нам ещё никогда не попадалось клиентов, которые были бы такими прирождёнными штурманами. Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку...

В общем, по прибытии на место мы с ней уже были закадычными подружками.

Обход дома решили начать с Полины Григорьевны. Ну, раз уж это она подняла тревогу, то ей и карты в руки.

Полина Григорьевна действительно оказалась милейшим существом. Не соврала Дарья Михайловна! Это была невесомая старушка со сморщенным личиком. Одетая она была в такую смешную кофточку: так одевались казачки в старинном фильме «Тихий Дон». К этой кофточке прилагалась длинная, до щиколотки, юбка, покрытая сверху пёстрым длинным фартуком.

Узнав Дарью Михайловну, старушка посторонилась, пропуская нас, и посмотрела на меня с интересом.

– Вот, Полина Григорьевна, я детективщицу привела! – представила меня мадам Понизовкина.

Я кивнула, улыбнулась и сказала:

– Только не детективщицу, а детектива.

– А какая разница? Детектив – это твой брат, потому что он мужчина. А ты – женщина, значит – детективщица. Ну, это как «продавец – продавщица», «уборщик – уборщица».

– Нет, извините. «Дектективщица» – это женщина-писатель, которая сочиняет детективы. А женщина, которая расследует преступления, тоже, как и мужчина, называется «детектив».

Кажется, я их убедила. А может, им просто было всё равно.

После этого увлекательного экскурса в этимологию модного нынче слова пора было приступить к делу.

Бабушка Поля пригласила нас в кухню, где у неё в духовке стоял противень с пирожками. Надо же, настоящая старорежимная бабушка! Длинная юбка, платочек на голове, пирожки в духовке... Я думала, сейчас таких уже нет...

Она приоткрыла дверцу духовки и заохала:

– Ох, надо же! Ещё бы немножко – и совсем бы сгорели! Уже начали...

Она споро выхватила противень из духовки и поставила его наверх плиты. На мой взгляд, пирожки гореть и не думали, так только, слегка подрумянились. Но спорить я не стала: она хозяйка, ей виднее.

Дверной звонок затрезвонил так, что даже я обомлела. А Дарья Михайловна так вообще за сердце схватилась.

Шустрая бабулька стремглав бросилась открывать, а Дарья Михайловна прошептала мне, едва шевеля побелевшими губами:

– Что за переполох? Не дай бог, ещё кого-то убили...

Из прихожей донеслась беседа на повышенных тонах:

– Где ты так изгваздался? Вот я тебя сейчас...

– Баба Поля, не шуми! – возмутился детский голос. – Ты лучше скажи: пирожки готовы?

– Готовы, готовы, мой руки и приходи в кухню.

– Не хочу в кухню! Хочу на улице есть! Ты дай мне три штуки: ещё Лёшке и Серёжке.

Полина Григорьевна примчалась к нам, схватила с противня три пирожка, бросила их на картонную одноразовую тарелку в виде подносика. Надо же, какая современная, какая продвинутая бабушка! Даром что одевается как в позапрошлом веке...

– Внук? – спросила я, чтобы сделать ей приятное.

– Правнук. Внуку моему уже тридцать лет. – И умчалась назад в прихожую.

Там они с правнуком ещё немножко повыясняли отношения насчёт того, надо ли мыть руки перед едой или смысла нет, раз уж всё равно еда будет происходить на улице. Победила, конечно, молодость, которая побежала на улицу есть пирожки грязными руками. Было слышно, как баба Поля захлопнула дверь и что-то пробормотала вслед детскому топоту.

После этого она снова возникла в кухне и сказала:

– А чего вы, девочки, сидите как в гостях? Берите пирожочки, угощайтесь!

При слове «девочки» я прыснула: ладно уж я, но Дарья Михайловна?!

Бабушка Поля абсолютно правильно истолковала мою реакцию и прикрикнула:

– А чего ты смеёшься? Ишь, хмыкает она... Дарья на моих глазах выросла. Конечно, девочка! Я запросто могу её удочерить.

Эта невесомая старушка говорила быстро, а работала ещё быстрее. Пока меня отчитывала, достала из холодильника компот, налила его в две большие глиняные кружки и поставила их перед нами: пейте, гости дорогие!

Кружки, конечно, были не старинные, деревенские, а так, новодел, из какого-то современного сервиза «под старину», но всё равно пить из них было вкусно. А может, дело вовсе не в глиняных кружках, а просто компот у бабы Поли такой вкуснящий...

Пирожки оказались с картошкой. Меня это удивило. Я ожидала, что начинка будет фруктовая – ну, абрикосовая, к примеру, сейчас как раз сезон... Но у бабушки Поли, видимо,

была своя логика: что такое абрикосы? Так, баловство одно... А вот картошка – это да! Это сытно, полезно, привычно. Это уже почти что обед.

Я впервые ела духовые пирожки с картофельной начинкой. Моя бабушка пирожки с картошкой всё больше в масле жарила, на плите. А уж если пекла что-то в духовке, так обязательно со сладкими начинками. Ну, люди интересны уже тем, что все они – разные...

Пирожок я съела быстро и с удовольствием. Компот в кружке ещё остался, поэтому я, потягивая его маленькими глоточками, завела беседу:

– Полина Григорьевна, а что вы можете рассказать об убийстве вашей соседки?

– Так ведь ничего не могу, – удивилась она. – И милиция тоже всё выспрашивала, а что я скажу? Кабы слышала, как её убивают, так уж до утра бы дожидаться не стала, можете быть уверены! Я бы сразу выскочила!

– А накануне убийства или на следующий день вы не обратили внимания на что-нибудь подозрительное? Может, люди какие-то незнакомые вокруг вашего дома ходили? Или вещи подозрительные вам на глаза не попадались?

Она немножко подумала и пожала плечами:

– Нет, ничего такого не было... Не видела и не слышала. Милицейские сказали, что застрелили её вечером. А я вечером никаких выстрелов не слышала. Правда, я в это время всегда сериалы смотрю. Сначала наш, российский. Очень я его люблю: все артисты знакомые. А потом начинается уже не наш, заграничный. Ну, там такая любовь, такие страсти... Наши так никогда не смогут! Этот сериал я тоже люблю, всегда смотрю, а потом спать укладываюсь. Когда телевизор работает, я ничего не слышу. А когда спать укладываюсь, так слуховой аппарат снимаю, и тогда уже тоже ничего не слышу.

Ах, вот так пассаж! Ценный свидетель, ничего не скажешь...

– Полина Григорьевна, а как потом всё происходило? Ну, когда убийство это обнаружилось?

– Ну, так я же всё вам подробным образом рассказала, – заволновалась моя новопробретённая подруга Дарья Михайловна.

– Так то – вы, – осадилась я её, – а я хочу послушать Полину Григорьевну. Рассказывайте, пожалуйста, – обратилась я к старушке.

Та снова пожала плечами:

– Ну, как... Пришла ко мне девушка незнакомая. Не в дом пришла, а так только, в дверь позвонила, говорит: я тут к соседке вашей пришла, а она чего-то не открывает. А я хотела ей фотографии старые отдать. Только ждать мне некогда, вы уж сами ей передайте, когда она появится. И бумажки мне суёт – в прозрачном пакетике, жёлтенькие. А я брать не стала, говорю: постой-ка, что значит «не открывает»? Быть такого не может!

И дальше бабушка Поля изложила мне всё в том же порядке, что и Дарья Михайловна.

Сама Дарья Михайловна смотрела на меня с нескрываемым торжеством: что я вам говорила?

– А что это за девочка? – заинтересовалась я.

– Из газеты вроде бы. Корреспондентка. Ну, это вы в милиции спрашивайте. Они все её данные записали, потому как мы с ней понятыми вроде как были. Да, в милицию обращайтесь, в милицию...

– Без надобности, – улыбнулась Познизовкина. – Оказалось, что журналистка эта – внучка Анатолия Ивановича Ремезова. Не знаете, кто это? А впрочем, где вам... Он же почти что Алечкин ровесник... Они вместе на театре служили. Он, правда, лет на семь её моложе, так что не совсем ровесник... Но они оба – люди ещё того поколения, старого. Я когда с горем своим в редакцию пришла, меня познакомили с Лизой. Это та журналистка, что статью об Аделаиде готовила. Очень приятная девочка. Интеллигентная, милая, начитанная. Мы с ней разговорились, и выяснилось, что она – внучка Ремезова. Не родная, правда, а

двоюродная. У самого Ремезова детей нет, он абсолютно одинокий человек, а Лиза – это внучка его родной сестры. Правда, ни сестры, ни её мужа уже нет на свете, так что он – единственный Лизочкин дедушка.

– А что, родителей у Лизы нет?

– Почему же нет... Есть и мама, есть и папа. Только они же – взрослые люди, им дедушки не нужны. А Лизе нужен. Лиза – это дочка его племянницы, – пояснила Дарья Михайловна, чтобы мне уж совсем всё было ясно.

В общем, мне стало понятно, что пора отсюда сматываться. Баба Поля помочь нам в расследовании вряд ли сможет, но зато может нахвататься секретных материалов, которые ей знать совсем ни к чему. А она же ещё и понесёт сплетни по деревне... Вот не хватало!

Распрощавшись с хлебосольной хозяйкой, мы вышли во двор и сели на лавочку.

– Может, поспрашивать соседей сверху? – рассуждала я вслух.

– А там и расспрашивать некого, – просветила меня Дарья Михайловна. – Там старушки давно поумирали, внукам в наследство квартиры оставили. А внуки те квартиры продали, и они теперь практически все в одни руки попали. Один бизнесмен все эти квартиры скупил. Теперь сдаёт внаём, деньги свои назад отбивает. Так квартиранты там очень часто меняются. Бывает, и посуточно сдаёт. Там из тех, майских, уж и не осталось никого.

– Тогда, я думаю, здесь больше нечего ловить. Я полагаю, мне надо вернуться в агентство и узнать, что за это время удалось нарыть моему брату. Он же с милицией собирался связаться, а у тех всё-таки есть какие-то материалы. Если они не пожлобятся, поделятся с нами информацией, глядишь, и мы будем знать, где надо искать особенно интенсивно... Вас подвезти домой?

– Спасибо, незачем. Я вот здесь пройду через дворы, и через пятнадцать минут буду уже дома. Тем более я собиралась ещё на почту зайти... До свидания, Анечка. Рада нашему знакомству. Надеюсь, вы оправдаете ту славу, что идёт о вашем агентстве.

– Вы не пожалеете, что обратились к нам! – пылко заверила я её.

На этой оптимистической ноте мы и распрощались. Дарья Михайловна ушла, я же села в машину и задумалась.

Итак, что я узнала? Ничего нового. Просто подтвердилось то, о чём нам ещё утром поведала Понизовкина. Ну, и стоило сюда ехать?

Нет, так нельзя. Раз я уже здесь, то уезжать смысла нет. Надо постараться получить максимум информации.

Я вышла из машины и обошла вокруг дома. Дом был построен на месте не очень ровном, как бы на косогоре, поэтому фундамент, сделанный из другого материала, имел вид очень сильно вытянутого треугольника. Слева фундамент был высокий, а к правому краю дома, к последним окнам, он как бы сходил на нет. Квартира Аделаиды Филипповны Николаевой находилась слева, как раз там, где фундамент был достаточно хорошо виден. Поэтому окна её квартиры, которая находилась на первом этаже, были расположены высоко над землёй. Заглянуть в них с улицы было невозможно. Я стояла прямо под её окном, и от моей макушки до подоконника было ещё сантиметров двадцать.

Да, заглянуть в такой высокий первый этаж непросто, но вот влезть сюда – запросто. Тем более что на окнах нет даже самых примитивных решёток. Надо будет узнать у Севы Коршуна, не через окошко ли влезли злоумышленники...

Я ещё немножко потопталась у окон, даже попрыгала, примеряясь, насколько просто или непросто было бы сюда влезть через окно, если бы я вдруг захотела.

Так, Аня, молодец, хорошо рассуждаешь. Мысль, в принципе, здравая. Злоумышленники могли и не разбивать окно, а просто использовать «форточника» – ребёнка или очень худенького подростка, который без труда пролезает в открытую форточку, а потом, тихо отворив окно или даже входную дверь, впускает в дом всю банду.

Однако вряд ли грабители таскали за собой лесенку-стремянку. «Форточника» кто-то должен был подсадить, это понятно... Но кто подсадит меня?

Я оглядела двор. Было пустынно, тихо. Дом этот небольшой, малоэтажный, старей-престарый. Эта улица вся застроена такими вот трёхэтажными симпатичными домиками, не имеющими ничего общего с типовыми постройками последних лет. Помнится, моя бабушка рассказывала, что дома эти после войны строили пленные немцы. И проект немецкий, и исполнение качественное, на века. Что за люди эти немцы! Даже для врагов строили на совесть. А всё почему? Потому что не научены работать плохо, некачественно. В общем, немцы тогда строили для врагов так, как будто для себя, а потом уже, много позже, наши строители строили для себя так, как будто это – для врагов. Парадокс...

Однако как бы мне подтянуться до уровня окна?

Я ещё раз окинула взглядом окрестности. Ага, вот у мусорного контейнера свалены в кучу какие-то ящики и коробки. Как раз то, что мне надо.

Я подошла, поворошила их ногой. Ну, картонные коробки мне ни к чему, а вот из деревянных ящиков я выбрала самый, на мой взгляд, крепкий, вытряхнула из него строительный мусор (осколки битой кафельной плитки) и понесла его к окнам Аделаиды. Ящик был весь обсыпан не то побелкой, не то штукатуркой, и руки у меня стали совсем белые. Ужас какой-то...

Подтащив ящик вплотную к стене, я влезла на него двумя ногами и, держась руками за жестяной подоконник, потопталась, проверяя его крепость. Ящик оказался достаточно крепким и подо мной не развалился, однако и пользы от него было немного: я смогла только-только заглянуть в окошко. Это мне совсем ничего не дало, так как окно изнутри было занавешено тюлевыми занавесками. Ну совсем ничего не видно!

Досадуя, я спрыгнула с ящика на землю, достала носовой платок и стала энергично оттирать руки от белёсого налёта штукатурки – ну, или чем там был вымазан этот ящик.

– Зря стараетесь! Там уже давно всё украдено, – услышала я над ухом насмешливый голос. – Так что выпачкались вы совершенно напрасно.

Я обернулась. За моей спиной стояла девушка примерно моих лет и улыбалась от уха до уха.

– Всегда приятно встретить в людях сочувствие и понимание, – пробормотала я, продолжая оттирать ладони. – А вы что же, живёте в этом доме?

– Нет, я живу в доме напротив, но знаю, что в этой комнате убили старушку и забрали ценности. Родиона Раскольникова, как водится, не нашли, и теперь остаётся только ждать, пока сам явится с повинной.

– Долго ждать придётся. Полиция на такую высокую сознательность преступников даже не надеется, потому и прибегает к помощи частных детективов. А я вот как раз частный детектив и есть. Меня зовут Аня Ермолаева. Хотела бы подать вам руку, да не могу: уж очень она грязная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.